

БЕЛОВОЙ АВТОГРАФ РАССКАЗА «ХУДОЖНИКИ»

Предисловие и публикация Н. С. Дворцовой

До настоящего времени единственным источником для установления текста «Художников» были прижизненные издания рассказа: журнальная публикация (ОЗ, 1879, № 9, с. 103—118) и первый сборник писателя (Всеволод Гаршин. Рассказы. СПб., 1882, с. 125—157). Из рукописных материалов к «Художникам» сохранились только краткий план и фрагмент ранней черновой редакции, озаглавленный «Конец Рябины»¹.

В 1972 г. в Отдел рукописей ГБЛ в составе архива художника М. Е. Малышева поступил беловой автограф рассказа, содержащий его полный текст². Рукопись состоит из 10 листов, исписанных черными чернилами с обеих сторон, и последнего, одиннадцатого, листа, который заполнен лишь с одной стороны. Здесь же, в конце, подпись Гаршина. В тексте имеется небольшое количество мелких авторских исправлений и зачеркиваний, сделанных теми же чернилами, очевидно, в ходе переписывания с несохранившегося черновика. Черным карандашом нанесена редакторская правка — отдельные места заключены в квадратные скобки, иногда взамен исключаемого слова тем же карандашом вписано новое. По тексту синим карандашом крупно проставлена нумерация страниц (1—21), по-видимому, при подготовке рукописи в типографии к набору. Таким образом, перед нами именно та рукопись, которая была передана автором Салтыкову и по которой производился набор.

Как известно, по твердо установившемуся распределению обязанностей между членами редакции «Отечественных записок» (М. Е. Салтыков, Н. К. Михайловский, Г. З. Елисеев) беллетристика неизменно находилась в ведении Салтыкова — он читал и правил рукописи, он вел и переговоры с авторами. Гаршин, постоянно сотрудничавший в журнале с осени 1877 г., не составлял в этом плане исключения. В письме к нему от 26 ноября 1878 г. Салтыков писал о рассказе «Трус»: «Я прочитал вашу вещь, уважаемый Всеволод Михайлович, и она мне понравилась. Но печатать ее в этом виде, при нынешних условиях, решительно нельзя. Поэтому, не будете ли вы так любезны зайти ко мне переговорить об этом предмете»³. В другом письме, от 10 февраля 1880 г., Салтыков писал о рассказе «Ночь»: «Прочитав ваш рассказ, я нашел его весьма хорошим, и думаю в мартовской книжке его поместить»⁴.

Хотя мы не располагаем подобными прямыми свидетельствами в отношении «Художников», можно не сомневаться, что он тоже прошел через Салтыкова и, как и в случае с «Трусом», вызвал у него некоторые опасения по части цензурных трудностей. Главная часть редакторской правки в автографе была направлена на устранение «опасных» в цензурном отношении мест. Все такие места, отмеченные редакторским карандашом, в журнальном тексте отсутствуют. Кроме того, при сличении рукописи с первопечатным текстом обнаруживается еще несколько изъятий явно предцензурного происхождения — можно думать, что в корректуре редактор внес дополнительно эти исправления.

Насколько был при этом прав многоопытный Салтыков, показывает любопытный документ — направленное в С.-Петербургский цензурный комитет донесение о девятой книжке «Отечественных записок» цензора Н. Е. Лебедева. За помещение двух очерков Щедрина он предлагал подвергнуть книжку аресту, а о рассказе «Художники» отзывался хотя и несколько более сдержанно, но все же достаточно сурово. После краткого изложения сути рассказа он продолжал: «Находя такое содержание статьи, с одной стороны, тенденциозным в смысле противоположения тружеников, падающих

под гнетом работы, беззаботной жизни людей обеспеченных, а с другой, усматривая порицание нашей Академии художеств, цензор, не признавая этот очерк настолько вредным, чтобы он мог послужить поводом к аресту книжки, но тем не менее для характеристики «Отечественных записок» считает нужным о статье этой донести Главному управлению по делам печати»⁵.

Новонайденный автограф «Художников» представляет значительную ценность прежде всего для установления канонического текста рассказа, а также для изучения работы писателя над ним на последних этапах создания произведения (правка в беловой рукописи и в корректуре журнальной публикации). Предстоит сложная и кропотливая работа текстологов. Не предвосхищая ее окончательных результатов, мы можем здесь, в рамках краткого предисловия, лишь наметить некоторые исходные положения.

Редакторские кушеры, сделанные в предвидении возможных цензурных осложнений, должны быть, разумеется, восстановлены во всех последующих изданиях рассказа. Следует, по нашему мнению, отказаться от редакторских исправлений и в тех случаях, когда Салтыков, человек старшего поколения, заменял употребленные Гаршиным слова или формы на более архаические, например: «тоны» (у Гаршина: «тона»), «работник» («рабочий»), «обхватывает» («охватывает»), «воротá», («вороты») и т. п. Но в тех случаях, когда редакторская правка носила чисто стилистический характер и устраняла погрешности языка автора, она должна быть сохранена, тем более что автор ни в корректуре, ни при подготовке рассказа для сборника 1882 г. ее не отменил.

Сличение автографа с текстом обоих прижизненных публикаций и с последующими изданиями позволяет выявить несколько ошибок, возникших на разных этапах. Даем перечень таких случаев. Во всех примерах сначала идет вариант по *Сочинениям 1955*, а затем предлагаемое исправление с указанием источника. После каждого примера даны пояснения и справки о вариантах промежуточных изданий. Упомянутые при этом издания сочинений Гаршина обозначаются годом их выпуска.

1) окаймляющие берега залива (с. 73, 5 строка сн.) — окаймлявшие берега залива (по автографу). В *ОЗ* и 1882 ошибочное: окаймившие; в 1938 и позднее было введено произвольное исправление.

2) десятки пролетавших мимо меня пароходов и скользивших парусных кораблей и лайб (с. 73, 4—3 строки сн.) — десятки пролетавших пароходов и скользивших мимо меня парусных кораблей и лайб (*ОЗ*, с. 103, 23—24 строки св.). Мы предполагаем, что вариант *ОЗ* — результат авторского исправления фразы в корректуре. В 1938 и позднее было введено произвольное исправление.

3) Через пять минут все усаживаются на места (с. 75, 3 строка сн.) — Через пять минут всё снова усаживается на места (автограф). В автографе слово «все» написано через е (а не ё); вариант автографа повторен в *ОЗ* и в последующих изданиях. В 1938 введено произвольное исправление.

4) Доволен и счастлив невыразимо (с. 90, 18—19 строки св.) — Доволен и счастлив невероятно (автограф). Замена в *ОЗ* слова «невыразимо» на «невыразимо» — ошибка наборщика, неточно прочитавшего это место в рукописи. Слово «невыразимо» не укладывается в контекст: счастье Дедова как раз было выражено на его лице, которое «сияет, как масляный блин».

Всюду, где текст *ОЗ* или издания 1882 г. дает вариант художественно более полный и более совершенный, возвращение к автографу было бы текстологической ошибкой. Приведем несколько примеров таких, по нашему мнению, авторских исправлений, улучшающих текст; первыми даем варианты *ОЗ*, в скобках — варианты автографа: набросал карандашом контур (набросал контур), особенным радостным чувством (особенным чувством), освещенного заходящим солнцем (освещенного солнцем), вечный вопрос (вопрос), все, шумя, собирали (все собирали) и т. п.

Ниже печатается «верхний» слой автографа. Места, исключенные редактором, сохраняются в основном тексте, но заключаются в квадратные скобки. Варианты первопечатного текста приводятся под строкой без обозначения источника (*ОЗ*). Варианты, зачеркнутые самим Гаршиным, также даются под строкой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ИРЛИ, ф. 70, № 64, записная тетрадь 1878—1884 гг.; там же, № 63, записная тетрадь 1878—1882 гг. См.: *Клочкова*, с. 62 и 58—59. Отрывок «Конец Рябины» опубликован в кн.: В. М. Гаршин. Соч. М.—Л., 1951, с. 436—437 (см. также: *Сочинения 1955*, с. 422—423).

² ГБЛ, ф. 218.1359.16, л. 1—11. О других гаршинских материалах, сохранившихся в бумагах М. Е. Малышева, см. наст. том, с. 255—256.

³ Н. Щедрин (М. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XIX. М., 1939, с. 115.

⁴ Там же, с. 141.

⁵ В. Э. Боград. Журнал «Отечественные записки». 1868—1884. Указатель содержания. М., «Книга», 1971, с. 489—490.

ХУДОЖНИКИ

I

ДЕДОВ

[Свобода, свобода, свобода!] Сегодня я чувствую себя так, как будто бы гора свалилась с моих плеч. Это счастье^{1*} было так неожиданно! Долой инженерские погоны, долой инструменты и сметы... Но не стыдно ли мне^{2*} так радоваться смерти бедной тетки, только потому, что она оставила мне наследство^{3*}, дающее мне возможность бросить эту ненавистную службу?^{4*} Правда, ведь она, умирая, просила меня отдаться вполне^{5*} моему любимому занятию, и теперь я радуюсь тому, что могу исполнить^{6*} ее горячее желание.

Это было вчера... Какую изумленную физиономию сделал наш [главноуправляющий] шеф^{7*}, когда узнал, что я бросаю службу. А когда я объявил^{8*} ему о цели, с которою я делаю это, он просто разинул рот.

— Из любви к искусству?... Мм... подавайте прошение.

И не сказал больше ничего, повернулся и ушел. Но мне ничего больше и не было нужно. Я свободен, я художник! Не верх ли это счастья.

Мне захотелось уйти куда-нибудь подальше от людей и от Петербурга; я взял ялик и отправился на взморье. [Я чувствовал себя, как царь, возвращенный своим подданным.] Вода, небо, сверкающий вдаль на солнце город, синие леса, окаймлявшие^{9*} берега залива, верхушки мачт на кронштадтском рейде, десятки пролетавших мимо пароходов и скользящих парусных кораблей^{10*} и лайб — все показалось мне в новом свете. Все это мое, все это в моей власти, все это я могу схватить, бросить на полотно и поставить перед изумленною силою искусства толпою. Правда, не следовало бы продавать шкуру не убитого медведя^{11*}; пока я еще^{12*} не бог знает какой великий художник, [но что я буду им, о, может ли в этом быть сомнение.]

Ялик быстро разрезал гладь воды. Яличник, рослый, здоровый и красивый парень в красной рубахе, без устали работал веслами; он нагибался вперед и откидывался назад^{13*}, сильно подвигая^{14*} лодку при каждом движении. Солнце закатывалось и так эффектно играло на его лице и на красной рубахе, что мне захотелось набросать его красками. Маленький ящик с красками и холстиками^{15*} всегда при мне; [спасибо Фортуни за то, что выдумал его.]

— Перестань грести, посиди минутку смирно; я тебя напишу, — сказал я.

^{1*} Счастье ^{2*}не стыдно ли ^{3*}оставила наследство ^{4*}бросить службу ^{5*}вполне — *вписано* ^{6*}я радуюсь, между прочим, и тому, что исполняю ^{7*}шеф — *вписано редактором*; ОЗ — наш шеф ^{8*}объяснил ^{9*}окаймлявшие ^{10*}пролетавших пароходов и скользящих мимо меня парусных кораблей ^{11*}еще не убитого медведя ^{12*}ведь пока я — еще ^{13*}он то нагибался вперед, то откидывался назад ^{14*}подвигал ^{15*}с холстиками, красками и кистями

Он бросил весла.

— Ты сядь так, будто весла заносишь.

Он взялся за весла, взмахнул ими, как крыльями^{16*}, и так и замер в прекрасной позе. Я быстро набросал контур^{17*} и принялся писать. С каким-то особенным чувством^{18*} я мешал^{19*} краски. Я знал, что ничто не оторвет меня от них уже всю жизнь.

Яличник скоро начал уставать; его удалое выражение лица сменилось^{20*} вялым и скучным. Он стал зевать и один раз даже утер рукавом лицо, для чего ему нужно было наклониться головой к веслу. Складки рубахи совершенно изменились^{21*}. Такая досада! Терпеть не могу, когда натура шевелится.

— Сиди, братец, смиреннее.

Он усмехнулся.

— Чего ты смеешься?

Он^{22*} конфузливо ухмыльнулся и сказал:

— Да чудно, барин...

— Чего ж чудно?^{23*}

— Да нешто^{24*} я редкостный какой, что меня писать. Будто картину какую.

— Картина и будет, друг любезный.

— На что ж она вам?

— Для ученья. Вот напишу, напишу маленькие, буду и большие писать.

— Большие?

— [Какие хочешь,] хоть в три сажени.

Он помолчал^{25*}. — Что ж, поэтому вы и образа можете? — серьезно спросил он^{26*}.

— Могу и образа, только я не пишу их, а все больше картины^{27*}.

— Так. — Он задумался и снова спросил:

— На что ж они?

— Что такое?

— Картины эти...

Конечно, я не стал читать ему лекции о значении искусства, я только^{28*} сказал, что за эти картины платят хорошие деньги, рублей по восемьсот, по тысяче^{29*} и больше. Яличник был совершенно удовлетворен и больше не заговаривал. Этюд вышел прекрасный (очень красивы эти горячие тона освещенного солнцем^{30*} кумача), и я возвратился домой совершенно счастливый.

II

РЯВИНИН

Передо мной стоит в натянутом положении старик Тарас, натурщик, которому профессор Н. велел положить «рука на голова»^{31*}, потому что это «очень классический поза»; вокруг меня целая толпа товарищей, так же как и я сидящих перед мольбертами с палитрами и кистями в руках. Впереди всех Дедов, хотя и пейзажист, но очень усердно^{32*} пишет Тараса. В классе запах красок, масла и терпентина^{33*} и мертвая тишина. Каждые полчаса Тарасу дается отдых, он садится на край деревянного ящика, служащего ему пьедесталом, и из «натуры» превращается в обыкновенного

^{16*} как птица крыльями ^{17*} набросал карандашом контур ^{18*} особенным радостным чувством ^{19*} Далее зачеркнуто: сегодня ^{20*} скоро сменилось ^{21*} совсем пропали ^{22*} Далее зачеркнуто: как-то ^{23*} Чего же тебе чудно? ^{24*} нешто вписано вместо зачеркнутого: будто ^{25*} помолчал и потом серьезно спросил ^{26*} Что ж, вы поэтому и образа можете? ^{27*} только я пишу картины ^{28*} а только ^{29*} по тысяче, по две ^{30*} эти горячие оны освещенного заходящим солнцем ^{31*} «рука на галава» ^{32*} но усердно ^{33*} масла, терпентина

голового старика, разминает свои оцепеневшие от долгой неподвижности руки и ноги, обходится без помощи носового платка и проч. [и проч.] Ученики толпятся^{34*} около мольбертов, рассматривая работы друг друга. У моего мольберта всегда толпа; я очень способный ученик Академии и подаю огромные надежды сделаться одним из «наших корифеев», по счастливому выражению известного художественного критика г. В. С., который уже давно сказал, что «из Рябинина выйдет толк». Вот отчего все смотрят на мою работу.

Через пять минут всё^{35*} снова усаживается на места, Тарас влезает на пьедестал, кладет руку на голову, и мы мажем, мажем... И так каждый день.

Скучно? Не правда ли^{36*}. Да я и сам давно убедился в том, что все это очень скучно. Но как локомотиву с открытою паропроводною трубою предстоит одно из двух: катиться по рельсам, до тех пор пока не истощится пар, или, соскочив с них, превратиться из стройного железномедного чудовища в груды обломков, так и мне... Я на рельсах, они плотно охватывают^{37*} мои колеса, и если я сойду с них, что тогда? Я должен во что бы то ни стало^{38*} доехать до станции. Станция^{39*} представляется мне какой-то черной дырой, в которой ничего не разберешь. Другие говорят, что это^{40*} художественная деятельность; что это нечто художественное — спора нет, но что это деятельность...

Когда я хожу по выставке и смотрю на картины, я прежде всего вижу в них то, что они [в сущности] не что иное как холст, на котором^{41*} наложены краски, расположенные таким образом, что они образуют впечатления^{42*}, подобные впечатлениям от различных предметов. Люди ходят и удивляются, как это они, краски, так хитро расположены. И больше ничего. Написаны целые книги, целые горы книг об этом предмете; многие из них я прочитал^{43*}. Но из Тэнов^{44*}, Куглеров и всех, писавших об искусстве, до Прудона включительно, не явствует ничего. Они все толкуют^{45*} о том, какое значение имеет искусство, а в моей голове^{46*} непременно шевелится мысль: если оно имеет его. Я не видел хорошего влияния хорошей картины на человека; зачем же мне верить, что оно есть?

Зачем верить? Верить-то мне нужно, необходимо нужно; но как поверить? Как убедиться в том, что всю свою жизнь не будешь служить исключительно глупому любопытству толпы (и хорошо еще, если только любопытству, а не чему-нибудь иному, возбуждению скверных инстинктов, например) и тщеславию какого-нибудь разбогатевшего желудка на ногах, который не спеша подойдет к моей [вымученной^{47*}], выстрадавшей, дорогой мне^{48*} картине, писанной не кистью и красками, а нервами и кровью, пробурчит: «мм... ничего себе», сунет руку в оттопырившийся карман, бросит мне несколько сот рублей и унесет ее от меня... Унесет вместе с волнением, с бессонными ночами, огорчениями^{49*} и радостями, с обольщениями и разочарованиями. И снова ходишь [как неприкаянный,] одинокий среди толпы. Машинально рисуешь натурщика вечером, машинально пишешь его утром, возбуждая удивление профессоров и товарищей быстрыми успехами. Зачем делаешь все это? куда идешь?^{50*}

Вот уже два^{51*} месяца прошло с тех пор, как я продал свою последнюю картинку, а у меня^{52*} еще нет никакой мысли для новой. Если бы выплыло что-нибудь в голове, хорошо было бы... Несколько времени полного забвения: ушел бы в картину, как в монастырь, думал бы только о ней одной. Вопросы «куда?», «зачем?» во время работы исчезают: в голове одна мысль,

^{34*} теснятся ^{35*} Далее зачеркнуто: опять ^{36*} Скучно, не правда ли? ^{37*} обхватывают ^{38*} во что бы то ни стало — вписано ^{39*} до станции, несмотря на то, что она, эта станция ^{40*} что это будет ^{41*} на картины, что я вижу в них? Холст, на который ^{42*} Далее зачеркнуто: сходные с ^{43*} я читал ^{44*} Тэнов, Карьеров ^{45*} Они толкуют ^{46*} голове, при чтении их, ^{47*} к моей пережитой ^{48*} дорогой ^{49*} с огорчениями ^{50*} все это, куда идешь? ^{51*} четыре ^{52*} у меня вписано вместо зачеркнутого: в голове

одна цель, и приведение ее в исполнение доставляет^{53*} наслаждение^{54*}. Картина — это мир^{55*}, в котором живешь и перед которым отвечаешь. Здесь исчезает житейская нравственность: ты создаешь себе новую в своем новом мире и в нем^{56*} чувствуешь^{57*} свою правоту, достоинство или ничтожество и недостатки^{58*} по-своему, независимо от жизни.

Но писать всегда нельзя. Вечером, когда сумерки перервут работу, вернешься в жизнь и снова слышишь вопрос^{59*} «зачем?», не дающий уснуть, заставляющий ворочаться на постели в жару, смотреть в темноту, как будто бы где-нибудь в ней написан ответ. И засыпаешь^{60*} мертвым сном, чтобы утром опуститься^{61*} в другой мир сна, в котором живут только выходящие из тебя самого образы, складывающиеся и проясняющиеся перед тобою на полотне.

— Что вы не работаете, Рябинин? — громко спросил меня сосед.

Я так задумался, что вздрогнул, когда услышал^{62*} этот вопрос. Рука с палитрой опустилась; пола сюртука попала в краски и вся измазалась^{63*}, кисти лежали на полу. Я взглянул на этюд; он был окончен^{64*} и хорошо кончен: Тарас стоял на полотне как живой.

— Я кончил, — ответил я соседу.

Кончился и класс. Натурщик^{65*} сошел с ящика и одевался; все собирали^{66*} свои принадлежности. Подошли ко мне^{67*}, похвалили.

— Медаль, медаль... Лучший этюд, — говорили некоторые. Другие молчали: художники не^{68*} любят хвалить друг друга.

III ДЕДОВ

Кажется мне, я пользуюсь между учениками^{69*} уважением; конечно, не без того, чтобы на это не оказывал влияния мой сравнительно с ними солидный возраст: во всей Академии только один Вольский старше меня. Да, искусство обладает удивительно притягательною силою^{70*}. Этот Вольский — отставной военный^{71*}, господин лет сорока пяти, с совершенно седою головою^{72*}; поступить в таких летах в Академию, снова начать учиться, разве это не подвиг? Но он упорно работает: летом с утра до вечера пишет этюды во всякую погоду, с каким-то самоотвержением; зимой, когда светло, постоянно пишет, а вечером рисует. В два года он сделал большие успехи, несмотря на то, что судьба не наградила его особнным^{73*} талантом.

Вот Рябинин — другое дело: чертовски талантливая натура, но лентяй^{74*} ужасный. Я не думаю, чтобы из него вышло что-нибудь серьезное, хотя все молодые художники^{75*} его поклонники. Особенно мне кажется странным его пристрастие к так называемым реальным сюжетам. Пишет лапти, онучи и полушубки, как будто бы мы не насмотрелись^{76*} на них в натуре. А что главное^{77*}, он почти не работает. Иногда засядет и в месяц кончит картинку, о которой все кричат, как о чуде, находя, впрочем, что техника слабовата^{78*} (по-моему, техника у него очень, очень плоха^{79*}); а потом бросит писать даже этюды, ходит мрачный и ни с кем не скажет ни слова^{80*}, даже со мной, хотя от меня он удаляется, кажется, меньше^{81*},

^{53*} *Далее зачеркнуто:* спокойствие ^{54*} *Далее зачеркнуто:* Тогда живешь ^{55*} *Картина — мир* ^{56*} *Далее зачеркнуто:* по-своему ^{57*} *Далее зачеркнуто:* себя правым и виноватым ^{58*} *ничтожество и ложь* ^{59*} *вечный вопрос* ^{60*} *засыпаешь под утро* ^{61*} *чтобы, проснувшись, опуститься* ^{62*} *услыхал* ^{63*} *вымазалась* ^{64*} *был кончен* ^{65*} *Далее зачеркнуто:* оделся и ^{66*} *все, шумя, собирали* ^{67*} *Поднялся говор. Подошли ко мне* ^{68*} *Далее зачеркнуто:* не могут хвалить ^{69*} *между моими товарищами-учениками* ^{70*} *удивительной притягательной силой!* ^{71*} *офицер* ^{72*} *головой* ^{73*} *особенно большим* ^{74*} *но зато лентяй* ^{75*} *Далее зачеркнуто:* от него ^{76*} *не довольно насмотрелись* ^{77*} *Далее зачеркнуто:* так ^{78*} *оставляет желать лучшего* ^{79*} *очень и очень слаба* ^{80*} *ни с кем не разговаривает* ^{81*} *хотя, кажется, от меня он удаляется меньше*

чем от других товарищей. Станный юноша! Удивительными мне кажутся эти люди, не могущие найти полного удовлетворения в искусстве. Не могут они понять, что ничто так не возвышает человека, как творчество.

Вчера я кончил картину, выставил, и сегодня уже спрашивали о цене. Дешевле 300 не отдам. А давали^{82*} уже 250. Я такого мнения, что никогда не следует уступать с раз назначенной^{83*} цены. Это доставляет уважение. А теперь тем более не уступлю, что картина непременно^{84*} продается; сюжет из ходких и симпатичный: зима, закат; черные стволы на первом плане резко выделяются на красном зареве. Так пишет К., и как они идут у него! В эту зиму^{85*}, говорят, до 20 000 заработал. Недурно! жить можно. Не понимаю, как это ухитряются бедствовать некоторые художники. Вот у К. ни один холстик не пропадает^{86*}, — все продается. Нужно только попроще^{87*} относиться к делу: пока ты пишешь картину, ты художник, творец; написана она — ты торгаш, и чем ловче ты будешь вести дело^{88*}, тем лучше. Публика часто тоже норовит надуть нашего брата...

IV

РЯБИНИН

Я живу в пятнадцатой линии на Среднем проспекте и четыре раза в день прохожу по набережной, где пристают иностранные пароходы. Я люблю это место за его пестроту, оживление, толкотню и шум, и за то, что оно дало мне много материала. Здесь, смотря на^{89*} поденщиков, таскающих кули, вертящих ворота^{90*} и лебедки, возящих тележки со всякою кладью, я научился рисовать трудящегося человека.

Я шел домой с Дедовым, пейзажистом. Добрый и невинный, как сам пейзаж, человек и страшно^{91*} влюблен в свое «искусство»^{92*}. Вот для него так уж нет никаких сомнений — пишет, что видит: увидит реку и пишет реку, увидит болото с осокой^{93*} и пишет болото с осокой^{94*}. Зачем ему эта река и этот забор^{95*}, он никогда не думает^{96*}. Он, кажется, образованный человек; по крайней мере кончил курс инженером. Службу бросил, благо явилось^{97*} какое-то наследство, дающее ему возможность существовать без труда. Теперь он пишет и пишет; летом сидит с утра до вечера в поле или лесу^{98*} за этюдами, зимой без устали komponует закаты, восходы, полдни, начала и концы дождя, зимы, весны и пр. и пр.^{99*} Инженерство свое забыл и не жалеет об этом. Только когда мы проходим мимо пристани, он часто объясняет мне значение огромных чугунных и стальных масс — частей машин, котлов и проч.^{100*}, выгруженных с парохода на берег.

— Посмотрите, какой котлище притащили, — сказал он мне вчера, ударив в звонкий котел тростью^{101*}.

— Неужели у нас не умеют их делать? — спросил я.

— Делают и у нас, да мало, не хватает на Россию^{102*}. Видите, какую кучу привезли. И скверная работа; придется здесь чинить его^{103*}: видите, шов расходится?.. Вот тут^{104*} заклепки расшатались... Знаете ли, как эта штука делается: это, я вам скажу, адская работа. Человек садится в котел и изнутри держит заклепку щипцами^{105*}, что есть силы напирая на них грудью, а снаружи мастер [дует]^{106*} по заклепке молотом, чтобы сделать^{107*} вот такую шляпку.

^{82*} Давали ^{83*} отступить от раз назначенной ^{84*} наверно ^{85*} В одну эту зиму ^{86*} да-
ром не пропадает ^{87*} прямое ^{88*} дело — *вписано вместо зачеркнутого*: себя ^{89*} Далее
начато: раб(очих) ^{90*} ворота ^{91*} страшно ^{92*} искусство ^{93*} с осокою ^{94*} с осокою ^{95*} и это
болото ^{96*} не задумывается; далее начато: Кажет(ся) ^{97*} Службу бросил, благо явилось —
вписано вместо зачеркнутого: Не служит; получил ^{98*} на поле или в лесу ^{99*} и прочее
^{100*} котлов и разных разностей ^{101*} ударив тростью в звонкий котел ^{102*} не хватает.
^{103*} чинить ^{104*} тут тоже ^{105*} и держит заклепку изнутри клещами ^{106*} колотит ^{107*} и вы-
делывает

Он показал мне на длинный ряд выпуклых металлических кружков на котле^{108*}.

— Да ведь^{109*} это все равно, что по груди бить, [— закричал я].

— Все равно. Я раз попробовал было забраться в котел, так после четырех заклепок еле выбрался. Совсем грудь разбило^{110*}. А эти как-то ухитряются привыкать. Правда, и мрут же они^{111*}, как мухи. Год-два^{112*} вынесет, а потом, если и жив, то уже никуда не годится^{113*}. Извольте-ка целый день выносить удары здорового молота по груди^{114*}, да еще в котле, в духоте, согнувшись в три погибели. Зимой железо мерзнет, холод, а он сидит или лежит на железе. Вот в том котле (видите, красный, узкий) так и сидеть нельзя; лежи на боку, да подставляй грудь. Трудная работа^{115*} этим глухарям.

— Глухарям?

Ну да, рабочие их так прозвали. От этого трезвона они часто гложут. И вы думаете, много они получают за такую каторжную работу? Гроши! Гривен шесть-семь на своих харчах в день...^{116*} Сколько тяжелых впечатлений на этих^{117*} заводах, Рябинин, если бы вы знали. Я так рад, что разделался с ними навсегда. Просто жить тяжело было сначала, смотря на все эти^{118*} страдания... То ли дело с природою... Она не обижает, да и ее не нужно обижать, чтобы эксплуатировать ее^{119*}. Поглядите-ка^{120*}, каков сероватый тон^{121*}, — вдруг перебил он сам себя, показывая на уголок неба. — Пониже, вон там, под облачком... Прелесть... С зеленоватым оттенком. Ведь вот напиши такой^{122*} — не поверят. А ведь недурно, а?

Я выразил свое одобрение, хотя, по правде сказать, не видел никакой прелести в грязно-зеленом клочке петербургского неба, и перебил Дедова, снова начавшего^{123*} восхищаться^{124*} каким-то «тонком» около другого облачка.

— Скажите мне, где можно увидеть^{125*} такого глухаря?

— Поедьте вместе на завод; я вам покажу всякую штуку. Если хотите, можно даже завтра... Да уж не вздумали ли вы^{126*} писать этого глухаря? Бросьте, не стоит; неужели нет ничего повеселее? А на завод, если угодно^{127*}, хоть завтра.

На другой день^{128*} мы поехали на завод и осмотрели все. Видели и глухаря. Он сидел, согнувшись в комок, в котле^{129*} и подставлял свою грудь под удары молота. Я стоял перед ним^{130*} полчаса; в эти полчаса молот поднялся и опустился сотни раз. Глухарь корчился. Я напишу его^{131*}.

V

ДЕДОВ

Рябинин выдумал такую глупость, что я не знаю, что о нем и подумать^{132*}. Третьего дня я возил его на металлический^{133*} завод; мы провели там целый день, осмотрели все, причем я объяснял ему всякие производства (к удивлению моему, я забыл очень немного^{134*} из своей профессии); наконец, я привел его в котельное^{135*} отделение. Там в это время работали над огромнейшим котлом, [сажали на него заклепки]. Рябинин влез в котел и полчаса смотрел, как рабочий^{136*} держит заклепки щипцами^{137*}.

^{108*} идущий по шву котла ^{109*} Дедов, ведь ^{110*} разбило грудь ^{111*} и мрут они ^{112*} Далее начато: вытерпят ^{113*} то редко куда-нибудь годен ^{114*} грудью ^{115*} Первоначально было: Трудно ^{116*} Гривен шесть-семь — вписано вместо зачеркнутого: Да рубль; ОЗ — Гроши! Потому что тут ни навыка, ни искусства не требуется, а только мясо... ^{117*} на всех этих ^{118*} на эти ^{119*} эксплуатировать ее, как мы, художники... ^{120*} Поглядите-ка, поглядите ^{121*} тон! ^{122*} так, ну, точно так ^{123*} Дедова, начавшего ^{124*} Далее зачеркнуто: еще ^{125*} посмотреть ^{126*} не вздумалось ли вам ^{127*} если хотите ^{128*} Сегодня ^{129*} в углу котла ^{130*} я смотрел на него ^{131*} Я его напишу ^{132*} об нем и думать ^{133*} металлический — вписано ^{134*} немного — вписано вместо зачеркнутого: мало ^{135*} котельное — вписано вместо зачеркнутого: машинное ^{136*} работник ^{137*} клещами

В. М. ГАРШИН СРЕДИ ДРУЗЕЙ-ХУДОЖНИКОВ

Фотография, Петербург, 1878

Слева направо стоят: А. И. Данилевский, И. Е. Крачковский, И. Ф. Селезнев. Сидят: Н. Г. Богданов, Е. Е. Волков, неизвестная, Е. Н. Евреинова, В. М. Гаршин
Литературный музей, Москва

Вылез оттуда бледный и расстроенный; всю дорогу назад молчал. А сегодня утром ^{138*} объявляет мне, что уже начал писать этого рабочего-глухаря. Что за идея! Что за поэзия в грязи. Здесь я могу сказать, никого и ничего не стесняясь, то, что ^{139*}, конечно, не сказал бы при всех: по-моему вся эта мужичья полоса в искусстве — чистое уродство. Кому нужны эти пресловутые репинские «Бурлаки»? Нет спора, написаны они прекрасно ^{140*} но ведь и только. Где здесь красота, гармония, изящное? А не для воспроизведения ли изящного в природе и существует искусство.

То ли дело у меня. Вот уже немного осталось ^{141*} работы, и будет кончено мое тихое «Майское утро». Чуть колышется ^{142*} вода в пруде, ивы склонили на него ветви^{143*}; восток загорается, мелкие перистые облака ^{144*} окрасились в розовый цвет. Женская фигурка идет с круглого берега за водой с ведром^{145*}, спугивая стаю уток. Вот и все; кажется, просто, а между тем я ясно чувствую, что поэзии в картине вышла пропасть. Вот это искусство! Оно настраивает человека на тихую, кроткую задумчи-

^{138*} А сегодня ^{139*} то, чего ^{140*} Написаны они прекрасно, нет спора ^{141*} Еще несколько дней ^{142*} колышется — *описано вместо зачеркнутого*: шевелится ^{143*} свои ветви ^{144*} облачка ^{145*} с ведром за водой

И я сижу перед своей картиной, и на меня она действует. Смотришь ^{166*} и не можешь оторваться, чувствуешь за эту измученную фигуру. Иногда мне даже слышатся удары молота... Я от нее скоро сойду ^{167*} с ума. Нужно завесить ее ^{168*}.

Полотно покрыло мольберт с картиной, а я все сижу перед ним, думая все о том же неопределенном и страшном, что так мучает меня. Солнце заходит и бросает косую желтую полосу света сквозь пыльные стекла на мольберт, завешенный холстом. Точно будто ^{169*} человеческая фигура. Точно дух земли в «Фаусте», как его изображают немецкие актеры.

Wer ruft mich?..

Кто позвал тебя? Я, я сам создал тебя ^{170*}. Я вызвал тебя, только не из какой-нибудь «сферы» ^{171*}, а из душного [вонючего] ^{172*} котла, чтобы ты ужаснул своим видом эту ^{173*} чистую, приличную ^{174*} ненавистную мне толпу, [ищущую приятных сюжетцев.] Приди, силою моей власти прикованный к полотну ^{175*}, смотри с него на фраки, [белые жилеты] и трэны, крикни ^{176*} им: я Язва растущая, [с которой вместе вы гниете]. Ударь их в сердце, лиши их сна, стань перед их глазами призраком ^{177*} во время их оргии... ^{178*} Убей их спокойствие, как ты убил мое...

Да, как бы не так... ^{179*} Картина ^{180*} кончена, вставлена в золотую раму; два сторожа потащат ее на головах в академию на выставку. И вот она стоит среди «полдней» и «закатов», рядом с «девочкой с кошкою» ^{181*}, недалеко от какого-нибудь трехсаженного «Иоанна Грозного, вонзающего посох в ногу Васьки Шибанова». Нельзя сказать, чтобы на нее не смотрели; будут смотреть и даже хвалить. Художники будут ^{182*} разбирать рисунок. Рецензенты ^{183*}, прислушиваясь к ним, будут чиркать ^{184*} что-то карандашиками в своих записных ^{185*} книжках. Один г. В. С. выше заимствований; он смотрит, одобряет, превозносит, пожимает мне руку. Публика... Публика проходит мимо бесстрастно или с неприятной гримасой; дамы — те только скажут: «ah, comme il est laid, se gluchard» — и проплывут ^{186*} к следующей картине, к «девочке с кошкою» ^{187*}, смотря на которую ^{188*} произнесут «mais c'est joli» ^{189*}, или что-нибудь подобное. Солидные господа с бычьими глазами поглазеют, опустят ^{190*} взоры в каталог, испустят не то мычанье, не то сопенье и благополучно проследуют далее ^{191*}. Художественный критик Л. с яростью набросится на бедного глухаря, будет кричать: «но где же тут изящное, скажите мне, где тут изящное», и разругает меня на все корки. И разве только какой-нибудь юноша или молодая девушка останются с вниманием ^{192*}, прочтут в измученных глазах ^{193*}, страдальчески смотрящих с полотна, вопль, вложенный мною в них [и перевернется молодая душа и обольется ^{194*} сердце кровью и тут же, быть может, перед этою картиною дастся безмолвная клятва].

Но довольно ли с меня этого? Юноша поймет мою картину, потому что и без нее в нем сильны добре и любовь и не мне учить его. Девушка и без меня давно научилась понимать страданье. Только потому они и остановятся перед картиной и прочувствуют перед нею то же, что чувствую теперь я.

^{166*} Было начато: Находит на ^{167*} Я от него сойду ^{168*} его завесить ^{169*} Точно ^{170*} те-
бя здесь ^{171*} Первоначально было: из твоей «сферы» ^{172*} темного ^{173*} Далее зачеркнуто:
глупую ^{174*} прилизанную ^{175*} Далее зачеркнуто: приди ^{176*} крикни — вписано вместо
зачеркнутого: скажи ^{177*} призраком — вписано вместо зачеркнутого: страшным при-
зраком ^{178*} во время их оргий... — ОЗ — нет ^{179*} Далее зачеркнуто: Ну вот ^{180*} Далее
зачеркнуто: выставлена ^{181*} с кошкою ^{182*} начнут ^{183*} Далее зачеркнуто: будут ^{184*} Далее
начато: карандаш(ашиком) ^{185*} своих записных — вписано ^{186*} Далее зачеркнуто: мимо
^{187*} кошкою ^{188*} Далее зачеркнуто: скажут ^{189*} скажут: «очень, очень мило» ^{190*} поту-
пят ^{191*} Красным карандашом указано: текст Публика... ∞ проследуют далее поместить
ниже, после слов: на все корки; так в ОЗ ^{192*} со вниманием ^{193*} Далее зачеркнуто:
скорбно ^{194*} Далее начато: кровь<ю>

Ну а дальше? Картина выставлена, куплена и увезена. Что же будет со мною? То, что я пережил в последние дни, погибнет ли бесследно? Кончится ли все только одним волнением, после которого наступит отдых с исканием невинных сюжетов. Невинные сюжеты! Вдруг вспомнилось мне, как один знакомый мне хранитель ^{195*} галереи, составляя каталог, диктовал ^{196*} писцу:

— Мартынов, пиши! № 112. Первая любовная сцена: девушка срывает ^{197*} розу.

— Мартынов, пиши еще! ^{198*} № 113. Вторая любовная сцена: девушка нюхает розу.

Буду ли я ^{199*} по-прежнему нюхать розу или брошу это занятие? Сойду ли с рельсов? ^{200*}

VII

ДЕДОВ

Рябинин кончил ^{201*} своего «Глухаря» и сегодня позвал меня посмотреть. Я шел к нему с предвзятым мнением и, нужно согласиться, я должен был ^{202*} изменить его. Очень сильное впечатление. Рисунок прекрасный. Лепка рельефная ^{203*}. Картина без сомнения с достоинствами ^{204*}, если бы не этот ^{205*} странный и дикий сюжет. Л. совершенно согласен со мною и на будущей неделе в газете «^{206*}» появится его статья. Посмотрим, что скажет тогда Рябинин. Л.-у будет трудно ^{207*} разобрать его картину со стороны техники, это правда, но он ^{208*} сумеет коснуться ее значения как произведения искусства ^{209*}, которое не терпит, чтобы его низводили для служения ^{210*} каким-то [темным] ^{211*} и туманным идеям.

Сегодня Л. был у меня. Очень хвалил. Сделал несколько замечаний относительно разных мелочей, но в общем очень хвалил. Если бы профессора взглянули на мою картину его глазами! Неужели я не получу, наконец, того, к чему стремится каждый ученик академии — золотой медали? Медаль, четыре года жизни за границей, да еще на казенный счет, впереди — профессура... Нет, я не ошибся, бросив эту печальную будничную работу, грязную работу, где на каждом шагу натыкаешься на какого-нибудь Рябининского глухаря.

VIII

РЯБЕНИН

Картина продана и увезена в Москву. Я получил за нее деньги и, по требованию товарищей, должен был устроить [выпивку] ^{212*} в «Вене». Не знаю, с каких пор это повелось, но почти все пирушки молодых художников происходят в угольном кабинете этой гостиницы. Кабинет этот — большая высокая комната с бронзовыми канделябрами и люстрой ^{213*}, с коврами и мебелью, почерневшими от времени и табачного дыма, с роялем, много потрудившимся на своем веку под разгулявшимися пальцами импровизированных пианистов ^{214*}; только одно ^{215*} огромное зеркало ново, потому что оно переменяется ^{216*} дважды или трижды в году, всякий раз, как вместо художников в угольном номере ^{217*} кутят купчики.

^{195*}знакомый хранитель ^{196*}крикнул ^{197*}срывает — *описано вместо зачеркнутого*: нюхает ^{198*}еще пиши! ^{199*}Первоначально было: Тыфу! Буду ли я ^{200*}розу? Или сойду с рельсов? ^{201*}почти кончил ^{202*}нужно сказать, должен был ^{203*}Далее: Лучше всего это фантастическое и в то же время высокоистинное освещение. ^{204*}была бы с достоинствами ^{205*}только не этот ^{206*}Название газеты в автографе не проставлено; ОЗ — *нет ни названия, ни кавычек* ^{207*}конечно, будет трудно ^{208*}техники, но он ^{209*}искусства ^{210*}до служения ^{211*}низким ^{212*}устроить им увеселение ^{213*}с люстрой, с бронзовыми канделябрами ^{214*}пианистов ^{215*}одно только ^{216*}Далее зачеркнуто: два или ^{217*}кабинете

Собралась целая куча народу: жанристы, пейзажисты и скульпторы, два молоденьких рецензента^{218*} из каких-то маленьких газет, несколько посторонних лиц, начали пить; [разговоры лились рекой^{219*}.] Через полчаса всё было навеселе^{220*}. И я тоже. Помню, что меня качали и я говорил речь. Потом целовался с рецензентом и пил с ним брудершафт... Пили, говорили и целовались много и разошлись по домам в четыре часа утра. Кажется, двое остались^{221*} на ночлег в том же угольном номере гостиницы «Вена».

Я едва добрался домой и нераздетый бросился на постель, причем испытывал что-то вроде качки на корабле; казалось, что комната качается и кружится вместе с постелью и мною. Это продолжалось минуты две; потом я уснул.

Уснул, спал и проснулся. Проснулся поздно^{222*}. Голова болит, в тело точно свинцу налили. Я долго лежу, не раскрывая глаз^{223*}, а когда раскрываю их, то вижу мольберт — пустой, без картины. Он напоминает мне о пережитых днях, и вот все снова, сначала... Ах, боже мой, да надо же это кончить.

Голова болит больше и больше, туман наплывает на меня. Я засыпаю, просыпаюсь и снова засыпаю. И я не знаю, мертвая ли тишина вокруг меня или оглушительный шум, хаос звуков, необыкновенный, страшный для уха. [Он похож на тишину;] может быть, это и тишина, но в ней что-то звонит и стучит, вертится и летает. Точно огромный тысячесильный насос, выкачивающий^{224*} воду из бездонной пропасти^{225*}, качается и шумит, и слышатся глухие раскаты падающей воды и удары машины. И над всем этим одна нота, бесконечная, тянущаяся, томящая. И мне хочется открыть глаза, встать, подойти к окну, раскрыть его^{226*}, услышать живые звуки, человеческий голос, стук дрожек, собачий лай и избавиться от этого вечного гама^{227*}. Но сил нет. Я вчера был пьян. Глухарь напоил меня, и я должен лежать^{228*} и слушать, слушать без конца.

И я просыпаюсь и снова засыпаю. Снова стучит и гремит где-то ближе, резче^{229*} и определеннее. Удары приближаются и бьют вместе с моим пульсом. Во мне они, в моей голове, или вне меня? Звонко, резко, четко: раз-два, раз-два... Бьет по металлу и еще по чему-то мягкому^{230*}. Я слышу ясно удары по чугуну, чугун гудит и дрожит. Молот сначала тупо звякает, как будто падает в вязкую массу, а потом бьет звонче и звонче и, наконец, как колокол, гудит огромный котел. Потом остановка, потом снова тихо, громче и громче, и опять нестерпимый, оглушительный звон. Да, это так; сначала бьют по вязкому^{231*}, раскаленному железу, а потом оно застывает... И котел гудит, когда головка заклепки уже^{232*} затвердела. Понял. Но те, другие мягкие звуки...^{233*} Что это такое?

Я стараюсь понять, что это такое, но дымка застилает мне^{234*} мозг. Кажется, что так легко припомнить, так и вертится в голове, мучительно близко вертится, а что именно, не знаю. Никак не схватишь...^{235*} Пусть стучит, оставим это. Я знаю, но только не помню.

И шум увеличивается и уменьшается, то разрастаясь до чудовищных, оглушительных^{236*} размеров, то точно исчезая^{237*}. Мне кажется^{238*}, что не он исчезает, а я сам в это время не слышу^{239*} ничего, не могу шевельнуть пальцем^{240*} и рад бы двинуть рукою, крикнуть, но оцепенение охватыва-

^{218*} два рецензента ^{219*} посторонних лиц. Начали пить и разговаривать ^{220*} все уже говорили разом, потому что все были навеселе ^{221*} расположились ^{222*} и проснулся очень поздно ^{223*} долго не могу раскрыть глаз ^{224*} Первоначально было: выкачивает ^{225*} Далее зачеркнуто: бесконечно ^{226*} Далее зачеркнуто: услышать ^{227*} гама — вписано вместо зачеркнутого: грохота ^{228*} пьян. И я должен лежать ^{229*} резче, ближе ^{230*} и еще по чему-то ^{231*} вязкому — вписано вместо зачеркнутого: мягкому ^{232*} уже — вписано ^{233*} другие звуки... ^{234*} Далее зачеркнуто: глаза ^{235*} не схватить... ^{236*} до мучительно-чудовищных ^{237*} что будто бы совсем исчезая ^{238*} И кажется мне ^{239*} исчезаю куда-то, не слышу ^{240*} пальцем — зачеркнуто, но без замены

ет меня и ужас овладевает мною, и я просыпаюсь в жару ^{241*}. Просыпаюсь не совсем, а в какой-то другой сон. Кажется ^{242*} мне, что я опять на заводе, но не на том ^{243*}, где был с Дедовым. Этот гораздо громднее ^{244*} и мрачнее. Со всех сторон гигантские печи чудной, невиданной формы. Снопам вылетает из них пламя и коптит крышу и стены здания, уже давно ^{245*} черные, как уголь. Машины качаются и визжат, и я едва прохожу между ними ^{246*}; нигде ни души. Где-то стук и грохот: там-то идет работа. Там неистовый крик и неистовые удары; мне страшно идти туда, но что-то подхватывает меня ^{247*} и несет, и ^{248*} удары все громче и крики страшнее. И вот, все сливается в рев и я вижу. Странное ^{249*}, безобразное существо корчится на земле от ударов, сыпавшихся ^{250*} на него со всех сторон. Целая толпа бьет, кто чем попало. Тут все мои знакомые с ^{251*} остервенелыми лицами колотят молотами, ломами, палками, кулаками это существо, которому я не прибрал названия. Я знаю, что это все он же... Я кидаюсь, чтобы заступиться, чтобы освободить, хочу крикнуть ^{252*}: «перестаньте! за что?» — но вдруг ^{253*} вижу бледное, искаженное, необыкновенно страшное лицо, страшное потому, что это мое собственное лицо. Я вижу, как я сам, другой я сам, замахивается молотом, чтобы нанести неистовый удар, — и ярость овладевает мною, я кидаюсь, чтобы вцепиться в его горло, но молот опускается на мой череп... ^{254*} Все исчезло; некоторое время я сознавал еще мрак, тишину, пустоту и неподвижность, а скоро и сам исчез куда-то...

Рябинин лежал в совершенном беспамятстве до самого вечера. Наконец, хозяйка-чухонка, вспомнив, что жилец сегодня ни разу не выходил из комнаты, догадалась войти к нему и, увидев бедного юношу ^{255*}, разметавшегося ^{256*} в сильнейшем жару и бормотавшего всякую ^{257*} чепуху, испугалась ^{258*}, испустила какое-то восклицание на своем непонятном диалекте и послала девочку за доктором. Доктор посмотрел ^{259*}, пощупал, послушал, помычал, присел к столу и, прописав рецепт, уехал, а Рябинин продолжал бредить и метаться.

IX ДЕДОВ

Бедняга Рябинин заболел после вчерашнего кутежа. Я заходил к нему [после вчерашнего кутежа и совершенно напрасно, потому что он] лежит ^{260*} без памяти. Хозяйка ухаживает за ним. Я должен был дать ей денег, потому что у него в столе ^{261*} не оказалось ни копейки; не знаю, стащила ли ^{262*} проклятая баба или, может быть, все осталось в «Вене». Правда, кутнули вчера порядочно; было очень весело; мы с Рябининым пили брудершафт. Я пил также с Л. Прекрасная душа этот Л. и как понимает искусство. В своей последней статье он так прекрасно ^{263*} понял, что я хотел сказать своей картиной, как никто, за что я ему глубоко благодарен. Нужно написать для него ^{264*} маленькую вещицу, так что-нибудь à la Клевер, и подарить ему. Да, кстати, его зовут Александр; не завтра ли его именины?

^{241*}пальцем, поднять веки, крикнуть. Оцепенение держит меня и ужас охватывает меня, и я просыпаюсь весь в жару ^{242*} Чудится ^{243*} только не на том ^{244*} громднее — *описано вместо зачеркнутого*: огромнее ^{245*} *Далее начато*: почер(невшие) ^{246*} между вертящимися колесами и бегущими и дрожащими ремнями ^{247*} но меня подхватывает ^{248*} *Далее зачеркнуто*: я слышу ^{249*} Вижу: странное ^{250*} сыплющихся ^{251*} *Далее начато*: остервеневш(ими) ^{252*} Я кидаюсь вперед, хочу крикнуть ^{253*} и вдруг ^{254*} неистовый удар... Тогда молот опустился на мой череп. ^{255*} *Далее начато*: в силь(нейшем) ^{256*} *Первоначально было*: разметавшимся; ОЗ — разметавшимся ^{257*} всякую — *описано вместо зачеркнутого*: какую-то ^{258*} испугалась — *описано* ^{259*} приехал, посмотрел ^{260*} Я заходил к нему и застал его лежащим ^{261*} в столе у Рябинина ^{262*} *Далее зачеркнуто*: все; ОЗ — стащила ли все ^{263*} тонко ^{264*} Нужно бы написать

Однако, бедному Рябину может прийтись очень плохо: его большая конкурсная картина еще далеко не кончена, а срок уж не за горами. Если он проболит с месяц, то не получит медали. Тогда — прощай заграница. Я очень рад одному, что, как пейзажист, не соперничаю с ним, а его товарищи, должно быть, таки потирают руки. И то сказать — одним местом больше. А Рябина нельзя бросить на произвол судьбы: нужно свезти его в больницу.

X

РЯБИНИН

Сегодня, очнувшись после долгих ^{265*} дней беспамятства, я долго сообщал, где я. Сначала даже не мог понять, что этот длинный белый ^{266*} сверток, лежавший перед моими глазами, — мое собственное тело, обернутое одеялом. С большим трудом повернув голову направо и налево, отчего у меня зашумело в ушах, я увидел слабо освещенную длинную палату, с двумя рядами постелей, на которых лежали закутанные фигуры больных; какого-то рыцаря в медных доспехах, стоявшего между больших окон с опущенными белыми шторами и оказавшегося просто ^{267*} большим ^{268*} умывальником, образ спасителя в углу, с слабо теплившеюся лампадкою, две колоссальные кафельные печи. Услышал я тихое, прерывистое дыхание соседа, клекотавшие вздохи больного, который лежал где-то ^{269*} подальше, еще чье-то мирное сопение и богатырский храп <сторожа> ^{270*}, вероятно, приставленного дежурить у постели опасно ^{271*} больного, который, может быть, жив, а, может быть, уже и умер и лежит вместе с нами, так же как и мы, живые, на постели ^{272*}.

«А я жив! ^{273*} — подумал я и даже прошептал эти слова ^{274*}. И вдруг то необыкновенно хорошее, радостное и мирное, чего я не испытывал с самого детства, нахлынуло на меня вместе с сознанием, что я далек от смерти, что впереди еще целая жизнь, которую я сумею ^{275*} повернуть по-своему (о, наверно, сумею), и я, хотя с трудом, повернулся на бок, поджал ноги, подложил ладонь под голову и заснул, точно так, как в детстве, когда, бывало, проснешься ночью возле спящей матери, когда в окно стучит ветер и в трубе жалобно воет буря и бревна дома стреляют, как из пистолета, от лютого мороза, и начнешь тихонько плакать, и боясь ^{276*} и желая разбудить мать, и она проснется, сквозь сон ^{277*} поцелует и перекрестит, и, успокоенный, свертываешься калачиком и засыпаешь с отрадой в маленькой душе.

Боже мой, как я ослабел! Сегодня попробовал встать и пройти от своей кровати к кровати моего визави ^{278*}, какого-то выздоравливающего также от горячки студента ^{279*}, и едва не свалился на полдороге. Но голова поправляется скорее тела. Когда я очнулся, я почти ничего не помнил, и приходилось с трудом вспоминать даже имена близких знакомых. Теперь все вернулось, но не как прошлая действительность, а как чудесный и мучительный сон ^{280*}. Теперь он меня не мучает, нет ^{281*} [Теперь я знаю, что я буду делать.]

Дедев сегодня притащил ^{282*} ко мне целый ворох газет, в которых расхваливается мой «Глухарь» и его «Утро». Один только Л. не похвалил ме-

^{265*}многих ^{266*}Далее зачеркнуто: байковый ^{267*}Далее начато: медн(ым) ^{268*}огромным медным ^{269*}лежавшего где-то ^{270*}сторожа — в автографе пропущено: ОЗ — храп сторожа ^{271*}опасного ^{272*}лежит здесь так же, как и мы, живые. ^{273*}Мы, живые... «Жив», ^{274*}это слово ^{275*}я наверно сумею ^{276*}Далее зачеркнуто: страстно ^{277*}сквозь сон — вписано ^{278*}соседа напротив ^{279*}какого-то студента, выздоравливающего от горячки ^{280*}а как сон ^{281*}нет. Старое прошло безвозвратно ^{282*}Далее зачеркнуто: ко

ая. Впрочем, теперь это все равно, это так далеко, далеко ^{283*}. За Дедова я очень рад: он получил большую золотую медаль и месяца через два ^{284*} уезжает за границу. Доволен и счастлив невероятно; сияет ^{285*}, как масляный блин. Он спросил меня, намерен ли я конкурировать в будущем году, после того как теперь мне помешала болезнь. Нужно было видеть, как он открыл глаза, когда я ответил ему «нет».

— Seriously?

— Совершенно серьезно ^{286*}.

— Что же вы будете делать?

— А вот посмотрю.

Он ушел от меня в неопisanном изумлении ^{287*}.

ХІ

ДЕДОВ

Эти две недели я прожил в каком-то тумане и успокоился только сегодня ^{288*}, сидя в вагоне Варшавской железной дороги. Я сам себе не верю: я — пенсионер Академии, художник, на четыре года едущий ^{289*} за границу совершенствоваться в искусстве! Vivat Academia!

Но Рябинин! Рябинин! Сегодня я встретился ^{290*} с ним на улице, усаживаясь с вещами в карету ^{291*}. «Поздравляю, говорит, и меня тоже поздравьте». — С чем же это? ^{292*} «Сейчас только выдержал экзамен в учительскую семинарию».

В учительскую семинарию! Художник, талант! Ну не сумасшедший ли он ^{293*}.

Всеволод Гаршин

<1879>

^{283*} все равно. Это так далеко, далеко от меня ^{284*} и скоро ^{285*} невыразимо; лицо сияет ^{286*} серьезно, — ответил я. ^{287*} в совершенном недоумении. ^{288*} прожил в тумане, волнении, нетерпении, и успокоился только сейчас ^{289*} едущий на четыре года ^{290*} виделся ^{291*} усаживаясь в карету, чтобы ехать на вокзал ^{292*} С чем это? ^{293*} талант! Да он пропадет, погибнет в деревне. Ну, не сумасшедший ли это человек? *Далее после отбивки и линейки, с красной строки:* На этот раз Дедов был прав: Рябинин, действительно, не преуспел. Но об этом — когда-нибудь после.